
**А. Л. ЧИЖЕВСКИЙ И О. ШПЕНГЛЕР
О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА: РАЗВИТИЕ ИДЕЙ И ГЛОБАЛИСТИКА**

Ловецкий Г. И., Косушкин В. Г., Самылов П. В.*

Интеллектуальное осмысление уроков первой в истории человечества глобальной войны в докторской диссертации А. Л. Чижевского (март 1918 г.) и книге О. Шпенглера (апрель 1918 г.) «Закат Европы» сохраняет актуальность для современного гуманитарного и естественно-научного знания. Работы немецкого исследователя открыли дорогу культурологии, политологии и глобалистике. Русский ученый определил историю как взаимодействие между человеком и природой, а всемирно-исторический процесс как одновременно протекающую социальную эволюцию во всех человеческих сообществах, зависимых или независимых одно от другого по своему пространственному положению на поверхности земного шара, ввел в научный оборот новую единицу отсчета исторического времени – историометрический цикл – и сформулировал морфологический закон историометрии. Поиск динамических оснований мировой истории привел Шпенглера к символическому миру культуры, Чижевского – к сопряженности природных, включая космические, культурных и социальных явлений вплоть до нейрофизиологических и психических. С позиций междисциплинарного подхода процесс глобализации человечества – это космогеофизический феномен, где все остальные социальные и геополитические события есть реализация более сложной космобиосоциальной эволюции нашей планеты в системе Вселенной. Актуализация концепции может послужить делу синтеза парадигм, о чем пишут К. Чейз-Данн, Т. Холл, П. Турчин, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, А. Н. Чумаков.

Ключевые слова: А. Л. Чижевский, О. Шпенглер, периодизация всемирно-исторического процесса, глобалистика, клиодинамика, социоестественная история, синтез парадигм.

The intellectual understanding of the lessons of the first global war in the history of mankind in the doctoral dissertation of Alexander L. Chizhevsky (March 1918) and Oswald Spengler's book 'The Decline of Europe' (April 1918) remains relevant for modern humanitarian and natural scientific knowledge. The works of the German researcher opened the way for cultural, political and global studies. The Russian scientist defined history as the interaction between human and nature, and the world-historical process as a social evolution simultaneously proceeding in all human communities dependent or independent of each other in their spatial lo-

---

*Ловецкий Геннадий Иванович – д. ф. н., профессор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал. E-mail: lovetskiy@icloud.com.

Косушкин Виктор Григорьевич – д. т. н., профессор КГУ им. К. Э. Циолковского (Калуга).

Самылов Павел Васильевич – к. и. н., доцент РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал. E-mail: mail@klg.ranepa.ru.

cation on the Earth; he also introduced into scientific circulation a new unit of historical time – the cliometric cycle – and formulated the morphological law of cliometry. The search for the dynamic foundations of the world history led Spengler to the symbolic world of culture, while Chizhevsky came to the conjugation of natural, including cosmic, cultural and social phenomena, including neuro-physiological and mental ones. Within multidisciplinary approach the globalization of mankind is a cosmogeophysical phenomenon, where all other social and geopolitical events are the realization of a more complex cosmo-bio-social evolution of our planet in the system of the Universe. The actualization of the concept can contribute to the synthesis of paradigms which is pointed in the works by as Ch. Chase-Dunn, T. Hall, P. Turchin, and L. E. Grinin, A. V. Korotaev, A. N. Chumakov.

Keywords: *A. L. Chizhevsky, O. Spengler, periodization of the world-historical process, Global Studies, cliodynamics, socio-natural history, synthesis of paradigms.*

1. Глобализм в свете социальных процессов и научных парадигм начала XX в.

В литературе принято считать [Чумаков 2008], что основы глобалистики связаны с явлениями 1970-х гг., когда возник термин, в содержательном плане указывают на события 1990-х гг., когда стало ясно, что формируется интегративное знание о социоприродных процессах и проблемах, границы которых заданы масштабом планеты. И вместе с тем Первую мировую войну справедливо называют глобальной [Его же 2016], Германия вынашивала весьма амбициозные планы по перекройке существующего мирового порядка, а большевики революционные события в России называли началом всемирной революции [Гринин А. Е. 2017].

Мировая история знает примеры подобного рода – походы Александра Македонского, завоевания Древнего Рима, монголо-татарское нашествие, военный кагот Наполеона. Кардинальный сдвиг состоял в том, что Первая мировая война имела внутренним мотивом глобальное превосходство одной нации над другими на основаниях не только военного преимущества. Возник новый тип войны как реакционного выражения идеи догоняющего развития, или рывка, целью которого было достижение нового мировой порядка.

В период с 1860 по 1913 г. ведущие экономики мира столкнулись не только с целой серией политических кризисов и военных конфликтов, но и с экономическими циклическими явлениями: первым мировым кризисом считается 1857 г., за ним последовал кризис 1866 г., но самым разрушительным оказался кризис 1873 г., далее последовали кризисы 1882 и 1890 гг., а кризис 1900 г. охватил все капиталистические страны и длился три года. На 1907 г. приходится сильнейший кризис в кредитной системе, а кризис 1913–1914 гг. был прерван началом Первой мировой войны, которая во многом явилась результатом сорокалетнего кризисного развития ведущих мировых держав. Понятия цикличности и катастроф становятся характеристиками общественных процессов.

Из известных нам аналитических материалов по данной проблеме мы выделим публикацию А. Е. Гринина [Там же; см. также: Гринин Л. Е. 2017], в которой десятилетие кануна войны характеризуется как нарастание хаоса в сложившейся

конструкции мирового порядка, когда внезапно рухнули все трезвые расчеты политиков и лидеров держав. Свидетель эпохи Г. Уэллс (1866–1946), дипломированный специалист в области биологии, писатель, фантаст (футуролог), писал о том, что в те годы почти никто не понимал, откуда взялись огромные проблемы, которые так внезапно и так трагически обрушились на мировую демократию. Люди хватались за обрывки исторических сведений, сохранившихся в их памяти со школьных времен, но не могли вспомнить ничего более обнадеживающего, чем наполовину забытые имена и даты жизни своих королей и президентов. Они брались за книги, но еще сильнее запутывались в многообразии и сложности ученых трудов. Результатом размышлений Г. Уэллса стали очерки, которые в 1918 г. были изданы в виде иллюстрированных отрывков, а в следующем году они вышли отдельной книгой [Уэллс 2004].

Мир, который принесло с собой формальное окончание Первой мировой войны, был очень хрупким. Появились новые независимые государства, и каждое было не в ладах со своими соседями. Война гигантов закончилась и началась война пигмеев – эти слова У. Черчилля часто приводятся в исследованиях по истории Европы [Дэвис 2006]. Континент вступил в войну, имея 19 монархий и 3 республики, а конце войны Европа состояла из 14 монархий и 16 республик, в последних происходили интенсивные турбулентные процессы, и не проходило и года, чтобы то в одной, то в другой стране не была отменена конституция тем или другим диктатором, убежденным в том, что западная демократия ему не подходит.

Исследователи подчеркивают, что глобализация возникает как предельное усложнение взаимосвязей функциональных и нефункциональных элементов мировой системы, превращение демократических ценностей в структуру и функции [Киш 2010]. В этой связи предпринимаются попытки выделить периоды и определяющие факторы глобальных процессов, уточнить их характеристики, осмыслить связи между периодами [Гринин 2011; Розов 2009].

2. Основные концептуальные положения О. Шпенглера и А. Л. Чижевского

Интеллектуальное осмысление уроков Первой мировой войны было выполнено двумя выдающимися представителями противоборствующих лагерей – немецким мыслителем Освальдом Шпенглером и русским ученым Александром Чижевским, – которые предложили первые глобальные парадигмы периодизации всемирно-исторического процесса. Если современная наука мыслит Мир как динамическую систему, включающую население, социум, экономику, производство продовольствия, инновационный комплекс, природные ресурсы, среду обитания, страны и регионы мира, а глобальное моделирование стало возможным лишь в конце 1960-х гг. с развитием математического аппарата и технических средств [Дубовский 2010], то Шпенглер отчетливо указывал на необходимость учета космического начала, а Чижевский разработал учение о возможных механизмах влияния космофизических факторов на психические и социальные процессы. Мыслители предложили если не строго доказательное понимание сути явлений, то весьма логичное, аргументированное и, что предельно важно, глубоко гуманистическое решение текущих и грядущих проблем человечества.

В отличие от предшественников они сосредотачиваются не на статике и кинематике исторических событий, а на их динамике, пытаясь ответить на вопрос не о том, почему имеет место то или иное действие, а в чем причина этого действия, находя ее априори в скрытом механизме более общих явлений – неких закономерностей: немецкий ученый находил их в символическом мире культуры, русский – в сопряженности природных, включая космические, культурных и социальных явлений вплоть до нейрофизиологических и психических. Выделим основные положения в исследованиях немецкого и русского мыслителей.

Задача осмысления современной цивилизации расширяется у О. Шпенглера до новой философии – идеи морфологии всемирной истории, мира-как-истории, которая в противоположность морфологии природы охватывает не общую картину всего познанного, а картину жизни, не ставшее, а становящееся в духе Гераклита [Шпенглер 1993]. Роковая ошибка исследователей, по его мнению, состоит в переносе принципов каузальности, свойственных миру ставшего, на мир становящегося. Загадка западного мышления состоит в неотступном поиске метафизической сути явлений – за событиями видеть символы. Морфология всемирной истории неминуемо становится универсальной символикой, и первофеноменом всякой прошлой и будущей мировой истории является культура. Первофеномен – это именно то, в чем идея становления в чистом виде предлежит взору, как идея первообразования в гештальте каждого растения. Морфология – это учение, с помощью которого активизируется так называемое «духовное око», позволяющее видеть вещь во всей целостности ее метафизического (виртуального) бытия. Для И. В. Гете морфология была инструментом познания природы, для О. Шпенглера – познания мира культуры и тайны всемирной истории. Точно так же в форме государства в религиозных мифах и культах, в идеалах этики, формах живописи, музыки и поэзии, в основных понятиях всякой науки скрыты некий символ и его основа – прасимвол. Последний рождается с актом рождения душевного наряду с телесным (у Платона это анамнесис). Но сам прасимвол неосуществим, он обращается к внутреннему чувству, а не к рассудку [Там же]. Тема космической основы у Шпенглера присутствует, но не получает осмысления по сути, потому что он не сторонник естественно-научного подхода. Он пишет о том, что во всяком примитивном существовании (праоснова, прасимвол) космическое как таковое принимается за дело так энергично, что все микрокосмические проявления в мифе, обычае, технике и орнаменте лишь повинуются его ежесекундному напору [Его же 1998]. Однако время от времени происходят глубокие и совершенно внезапные изменения в сущности бытия животных и растений, причем изменения космического порядка, которые ни в коем случае не ограничатся сферой поверхности Земли, а что до их причин, то они остаются для человеческого ощущения и понимания непостижимыми или вообще для них недоступны [Там же]. В поисках прасимвола О. Шпенглер выходит на тему смыслового кода нации и обозначает фаустовскую проблематику, которая и сегодня не дает покоя исследователям.

На актуальность идей О. Шпенглера для социальной философии указывают историко-философская реконструкция и критический анализ понятия гештальта, выполненные Б. В. Подорогой, который трактует особую теорию познания немецкого мыслителя как основанную на образах спонтанного, бессознательного

смыслополагания, как попытку обосновать проблему символического мировидения [Подорога 2015], кодифицирующего социальное поведение людей и общественные явления.

В работах [Степанова 2015; Перцев 2015] показано, что одни видят суть заявленной О. Шпенглером темы как гениальное схватывание национального кода нации, другие рассматривают Фауста как человека без будущего, аргументируя тем самым определенную периодичность в актуализации фаустовского мифа в культуре. Дискуссионная тема явно нуждается в ее новом прочтении, как и концепция культурных смыслов.

Первый научный труд А. Л. Чижевского – диссертация на соискание ученой степени доктора всеобщей истории по теме «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» (защита состоялась в марте 1918 г.); второй – «Электронная теория. Генезис форм» (1919–1921 гг., на тот период она осталась в рукописи [Чижевский 2014]); третья – «Физические факторы исторического процесса» [Его же 1924], которая явилась результатом синтеза первых двух исследований.

Согласно Чижевскому [Там же], история есть взаимодействие между человеком и природой. Всемирно-исторический процесс – это одновременно протекающая социальная эволюция во всех человеческих сообществах, зависимых или независимых одно от другого по своему пространственному положению на поверхности земного шара. Последовательная смена всемирной деятельности человечества имеет циклический характер, каждый цикл имеет историко-психологические особенности. Одновременность колебаний солнечной и человеческой деятельности имеет источником внеземную силу, действующую, однако, на человека и человечество в целом в связи с тем, что они представляют собой коллоидные системы, обладающие утонченной чуткостью ко всяким внешним воздействиям и колебаниям. Социальная эволюция, подобно эволюции в неорганическом (законы сдвига, теория квантов) и органическом (теория мутаций) мире, совершается не плавно, а путем резких нарушений, изучение явлений общественных в связи с явлениями геофизическими и космическими призвано выявить существующие здесь закономерности.

Введение нового для исторической науки метода обобщения качественных и количественных данных позволило создать представление о новой единице отсчета исторического времени – историометрическом цикле и сформулировать морфологический закон историометрии: течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежутки времени, равный в среднем арифметическом 11 годам, и синхронных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности солнца [Там же]. При этом каждый период имеет свои историко-психологические особенности: это эпохи минимальной возбудимости, нарастания возбудимости, максимальной возбудимости и падения возбудимости, а по отношению к социальным процессам это эпохи минимальной активности, повышения активности, максимальной активности и упадка активности [Его же 1973].

Отсюда следовало, что закономерностям, которые наука открывает в движении небесных тел и в движении электронов, подчинены функции живых организ-

мов, имеющих свои периоды и фазы. Размышления над источником этих процессов привели к предположению о корпускулярно-волновой природе Солнца, которое помимо корпускул излучает из определенных участков своей материи (пятна, протуберанцы, факелы) короткие электромагнитные волны, которые, возможно, являются наравне с аэроионами и электрическим полем причиной изменчивости вируса и бактерий, а для них характерно излучение электромагнитных волн определенной длины (митогенетические лучи). Бактерии являются резонаторами электромагнитных колебаний известной частоты, и вирулентность бактерий есть функция радиации космотеллургической среды (помимо прочих факторов) [Чижевский 1973].

В исследованиях 1928–1929 гг. эта точка зрения была распространена на живые клетки вообще. Этиология массовых эпидемий отныне получала объяснение с принципиально новой точки зрения, еще совершенно чуждой эпидемиологам и микробиологам.

Русский ученый считает, что если и можно было согласиться с некоторыми выводами из изохронистического учения О. Шпенглера, то большинство попыток строгой критики не выдерживают. Никакой периодичности в истории типа учения пифагорейцев и стоиков о вечном возрождении мира, видимо, не существует, как и во многих подобных случаях, когда под историческим законом одни видят законы социальной экономики, другие – социальной психологии, третьи – антропогеографии и биологии, четвертые – энергетики, физики, химии [Его же 1995]. Однако экономика не определяет психику, как бытие не определяет сознание, а, влияя на наиболее общий элемент психики – сознание, определяет в известной мере его содержание в каждый момент времени по отношению к ряду явлений. Внешняя природа воздействия на психику при помощи физико-химических и биохимических фактов определяет настроенность, тонус психики, это отражается на социальных отношениях, увеличивая или понижая социальную раздражимость, ускоряя или замедляя темп общественной жизни. Две отправные точки – социально-психологическая и социально-космическая – не противоречат, а, наоборот, дополняют одна другую. В первом случае общество представляется как обращенное вовнутрь, к составляющим его индивидам, во втором – как обращенное вовне, к силам окружающего его мира [Там же].

Всякое разграничение этих процессов, обособление их в ограниченных районах пространства и времени может иметь и имеет некоторый дидактический смысл при изучении отдельных областей человеческой жизни, но в общем и целом оно звучит как анахронизм. Жизнь всей Земли, взятой в целом, с ее атмо-, гидро-, лито- и биосферой следует рассматривать как жизнь одного общего организма. По солнечным циклам стремится течь историческая, массовая жизнь общества [Там же].

А. Л. Чижевский показал [Его же 1924], что существует лишь одна энергия – электричество, а свет, движение, теплота, химическое сродство – суть различные ее формы, что мощные изменения в количестве излучаемой Солнцем электромагнитной и корпускулярной энергии отражаются на органической природе Земли. Лучистая энергия Солнца является основным биологическим фактором эволюции растительных и животных организмов, который к тому же действует постоянно

в отношении к геологическому времени и географическому месту. И хотя соотношение между психической деятельностью организма и количеством энергии, поглощенной или воспринимаемой организмом в различных формах, не может быть точно установлено вследствие отсутствия единицы меры психической деятельности, к ней также должны быть применены закон сохранения энергии и принцип эквивалентности ее другим формам мировой энергии [Чижевский 1995]. В исследованиях 1940–1950-х гг. ученый сосредоточился на выявлении механизма кровотока в связи с энергетическими процессами, начало которым кладет поток электронов, поступающий к внутренним органам организма из внешней среды через коллоидную систему легких и плазму крови. Выяснение проблемы распределения морфологических и корпускулярных частиц крови в динамике означало прокладывание пути в абсолютно неизведанную область знания, которая впоследствии получит название «электрогемодинамика». Квантовая физиологическая геометрическая структура движущейся монетными столбиками крови, обоснованная теоретически расчетами ученого, была новым словом в науке, еще одним вкладом в основание заложенной ученым в 1930-е гг. электронной (квантово-механической) медицины, или наномедицины (термин впервые предложит Роберт Фрайтас [р. 1952] в 1990-е гг.).

3. Развитие идей мыслителей и глобалистика XXI в.

По оценке исследователей, научное наследие Чижевского представляет собой синтез нескольких научных направлений. Меморандум первого международного конгресса по биологической физике и биологической космологии (Нью-Йорк, 1939) отмечает приоритетные достижения русского ученого в области биофизики, электрофизиологии, медицины, физиологии дыхания, практического животноводства и растениеводства, эпидемиологии, микробиологии, продления жизни, периодизации всемирной истории. Международное научное сообщество подчеркнуло выдающуюся роль Чижевского в сознании новых наук – динамической биоэлектростатики, биологической космологии, биоорганоритмологии, аэронификации. В последующем им были сделаны важные открытия в науке о крови. Таким образом, ученый является основоположником глобальной научно-исследовательской программы, в фокусе которой – солнечно-земные связи в их проявлениях на неорганический и органический мир планеты вплоть до социальных явлений и глубин человеческой психики. Развитие его идей шло по нескольким направлениям, синтезировать которые пока никому не удалось. Трудности связаны с тем, что главным объектом науки у Чижевского является жизнь, которую он понимает как систему отношений между космическими деятелями природы (факторы предметной среды, например, энергия, электричество, излучение), содержанием которых являются излучение, накопление, преобразование, трата энергии, адаптация деятелей природы к среде и совершенствование себя в саморегуляции и внешней регуляции. Родовой признак жизни – переработка энергии, а видовой – тип деятеля и способ его регуляции как коллективного, индивидуального, уникального, всечеловеческого субъекта. Необходимое условие жизни – электростатика и электродинамика обменных процессов в организмах и популяциях в некоторой таксономической единице биосферы, а достаточное – самоорганизация и баланс энтро-

пии и эктропии в таксономических единицах биосферы. Но и необходимое, и достаточное условия предполагают, что в них входит инвариант космической пульсации энергии. Индивидуальной жизни нет там, где нет космической энергии и самоорганизации жизни. Идеи ученого о корреляции земных процессов с изменениями космических факторов могут быть распространены на процессы любой природы – от биотических реакций до радиоактивного распада. При этом речь идет не только о солнечной активности, но и многих других космофизических явлениях – состояниях межпланетного магнитного поля, ионосферы, интенсивности потока космических лучей. Более того, речь идет о проявлениях свойств (флуктуациях) пространства-времени. И выяснение механизмов этой связи может иметь фундаментальное научное значение. Эта тема раскрыта в работе [Владимирский, Темурьянц 2000].

В развитии гелиобиологии было два тормоза: 1) отсутствие математического метода, позволяющего выявить фазы и весь достоверный набор солнечных и биологических ритмов; 2) не было понимания волновой природы регуляции генной активности [Чиркова 2005]. Лишь в начале XXI в. эти проблемы получают объяснение. Маятником биологических часов клетки является интенсивность потока квантов (количество квантов монохроматического излучения через единицу площади в единицу времени), достаточная для превышения порога активации гена. Колебания маятника осуществляются за счет эффекта концентрации иммуноспецифических белков – осцилляторов. С позиций теории самонастраивающихся систем без ритмов никакая система существовать не может, наблюдаемая иерархия биологических и солнечных ритмов отражает иерархию в работе элементов систем, связанных между собой обратными связями. В норме все одночастотные ритмы элементов системы согласованы между собой по фазе. Хаос в природе – признак поломки элементов системы. Любая система борется с фазовым хаосом до самой смерти.

А. Л. Чижевский был убежден в том, что Солнце, излучения несут в себе некий биологический агент, который и запускает жизненно важные процессы в биосфере и организме человека, так происходят переработка этой энергии, ее накопление и последующий ее выброс в психических проявлениях. В авангардных исследованиях биофизика С. Э. Шноля в 1970–1980-х гг. было показано, что фактически речь идет о физическом агенте, однако выявить его сущность до сих пор не удается.

Ученый рассматривал социальный процесс как часть более общего процесса приема биосферой и переработки ею солнечной и космической энергии, и поэтому изменения в данном процессе детерминируют энергетическую составляющую человеческой восприимчивости, нервно-психическую конституцию, создавая предрасположенность к пассивности или активности. Но содержание человеческой деятельности у него формирует социальный процесс [Гагаев, Скипетров 1999]. Перед нами энергетическая гипотеза социального процесса. В науке все еще с трудом складывается представление о том, что наиболее значимыми для специфики любой природной системы являются законы ее энергетики, в процессе эволюции именно они приобретают ведущую среди всех других свойств систем роль. Поэтому поиск инвариантов у разных наук следует начинать с изучения

корреляций их энергетических параметров [Оше 2010]. Этому же мнению придерживаются ученые, которые являются сторонниками возникновения живого из неживой материи в результате эволюции энергопитания, вызванной изменением условий жизни. В силу этого живая и неживая материи должны обладать аналогичными принципами организации их энергетики. Сложившееся из-за дифференциации науки разделение ее на разные дисциплины связано с разной их энергетикой. Поэтому именно с нее надо начинать и поиск инвариантов природы, и если это так, то русский ученый был провидцем.

В работе [Клименко, Мацковский 2012] содержится радикальный для гуманистических выводов – социальная история человечества на всем ее протяжении от эпохи неолита и по крайней мере до начала Нового времени была предельно климатически детерминирована; климатические изменения, вызванные глобальными изменениями на поверхности Земли, в том числе космическими факторами, лежат в основе таких выдающихся исторических событий, как «осевое время», возникновение первой мировой религии, крушение ассирийской державы, эпоха Сражающихся царств в Китае или создание и гибель великой империи персов. Влияние экологических факторов на более тонкие социальные и культурные явления было продемонстрировано А. В. Коротаевым [Коротаев и др. 2007] и другими исследователями [Суриков 2016]. Сегодня в этом направлении также ведутся исследования. Б. Д. Пруссаковым заявлена концепция о зависимости социальных процессов от экологических факторов (сейсмическая активность, вулканическая деятельность и вызываемые ими последствия в виде эпидемий, различных дисбалансов в экологических системах, засухи, периоды «голодных лет»). Применив концепцию к конкретно-историческому исследованию, ученый получил качественно новую версию зарождения и эволюции раннего государства в Древнем Египте [Пруссаков 2001]. С. А. Петухов считает, что от раннего Средневековья до Нового времени в истории Европы обнаруживаются социально-экономические циклы, связанные с солнечной активностью. Они могут быть документированы качественно и количественно, что исследователь показал на примере возникновения городов и первых мануфактур, основания и закрытия монастырей [Петухов 2009]. По мере развития естественных наук более разнообразными становятся методы исследований и реконструкции событий далекого прошлого. Создаются математические и геофизические модели, которые позволяют выстраивать корреляцию вулканической и тектонической активности с периодической деятельностью Солнца, находить глубинные причины пусковых механизмов крупных социальных процессов. В частности, самый холодный за последние 2000 лет период между 542 и 561 гг. стал переломным для смены территориальных ареалов крупными общностями.

В работе [Савельева 2012] дана оценка теоретического обновления исторической науки за последние 50 лет; автор находит, что тема всемирной истории с ее идеями универсальности, линейности, цикличности, стадиальности, прогресса, которые были заложены работами О. Шпенглера, А. Тойнби, Г. Уэллса, П. Сорокина, Ф. Нортропа, К. Ясперса, А. Крёбера, вышла на лидирующее место в исторических публикациях. Новой миссией философии в XXI в. является организация междисциплинарных исследований, создание научной социальной теории,

в которой основной областью деятельности станет интеллектуальная культура, включая науку [Разумов, Сизиков 2015]. Подобную точку зрения высказывают В. Г. Удальцов и Л. В. Мрочко [2017], полагая, что, несмотря на наличие большого количества работ, посвященных философскому осмыслению истории, недостаточное внимание уделяется целостному, системному социально-философскому анализу истории как процесса и как науки, имеют место неоправданный отрыв и даже обособление онтологическо-гносеологических возможностей исторической науки. С точки зрения В. П. Маслова [2017], моделирование законов истории как аналогов физических и биологических законов становится насущной потребностью, поскольку в этом случае существенно возрастает возможность объяснительной и предсказательной силы исторического знания. «Новый историзм» утверждает, что смыслы сохраняются в культуре подобно физической энергии [Анисимова 2010], что в истории имеет место циркуляция социальной энергии [Гринблатт 2014].

В. В. Снакин [2017] в дискуссионной форме проводит мысль о том, что ведущие процессы глобализации находятся в органической связи с общебиосферными законами эволюции, более того, умаление роли последних порождает глобальные проблемы, одним из последствий которых может стать нарушение основ существования биосферы.

В связи со вступлением человечества в космическую эру своего развития предлагается ввести адекватные мировоззренческие характеристики и осознать соотношение между биосферой, социосферой и геобиосоциосферой. Новое понятие призвано расширить угол зрения на события земной истории, включая процессы, происходящие в геологической, биологической и социальной сферах. Представление о триосфере поможет перейти от отдельных фрагментов глобализации к ее целостному восприятию. Имеются попытки осмысливать прошедшее и грядущие трансформации в истории человечества, используя термин «эпометаморфоз», понимая под этим эпохальное видоизменение, переход на другую стадию развития всей геобиосоциосистемы, сопровождающийся фундаментальными переменами в этой системе на уровне формы и содержания, сущности и явления [Чумаков 2016]. Любопытно, что, вводя новый термин, А. Н. Чумаков сознательно отказывается от более лаконичного и строгого понятия «эпоморфоз», полагая, что в таком случае будет сделан акцент на форме в ущерб содержанию. А. Л. Чижевскому удалось соотнести формальный язык описания форм органического и неорганического мира, обеспечив глубокое проникновение в сущность явления [Чижевский 2014].

Зафиксируем следующее важное суждение. Если история философии может быть представлена как часть социальной философии, то социальное знание как вторая реальность может воспользоваться достижениями естественных наук. Справедливым мы находим мнение [Кукарцева, Мегил 2006], что историк сегодня должен стать интеллектуалом, со знанием дела рассуждающим как в границах историографической области исследований, так и вне ее.

Современные исследования демонстрируют:

1) понимание того явления, что работы О. Шпенглера послужили мощным стимулятором новых идей в политологии и культурологии. Вместе с тем Уильям

Мак-Нил, в течение 25 лет размышляя над проблемами истории человеческого сообщества, пришел к выводу, что нам следует научиться соотносить хаос исторических событий с процессами в сельском хозяйстве, вспышками различных болезней, и эта информация должна быть включена в описание развития цивилизаций; данная задача может показаться слишком сложной, но не выполнив ее, нельзя адекватно описать историю человечества во всей ее полноте [Мак-Нил 2004]. Р. Коллинз [2002] показал, что развитие интеллекта является сквозной темой историко-культурных, психолого-лингвистических, научно-образовательных процессов и может рассматриваться как общечеловеческая детерминанта, которая находится в известной корреляции с факторами внешней среды;

2) признание того, что историометрия и гелиобиология А. Л. Чижевского имеют право на жизнь [История... 2006; Владимирский 2013] и могут рассматриваться как основания гелиотараксии, а в комплексе – дать человечеству надежный инструмент для решения насущных проблем на новом этапе своего развития, связанного с освоением ресурсов ближнего и дальнего космоса и заселением других небесных тел Солнечной системы.

Историческая мысль не любит торопливости, до сих пор она скептически относится к роли географического фактора [Миронов 2014], а что касается авангардных выводов А. Л. Чижевского о влиянии экологических факторов, связанных с космической погодой, на социальные процессы, представляется странной или вовсе неприемлемой ввиду отсутствия убедительной наблюдательной базы [Коротаяев и др. 2016].

На наш взгляд, многие трудности в понимании научно-исследовательской программы А. Л. Чижевского проистекают из предпринятого им анализа солнечно-земных явлений как феномена предельно абстрактной системы «Космос – Солнце – Земля с ее биосферой – человек как индивид и как человечество (психосфера Земли)». Установить причинно-следственные связи между процессами, происходящими в трех окружающих человека средах (космос, биосфера, социосфера), и здоровьем и качеством жизни людей, а также в прогнозировании социально-исторических процессов было краеугольным камнем в концепции ученого [Гамбургцев 2013]. Современная наука испытывает колоссальные трудности в описании взаимодействия даже двух объектов микро- (элементарных частиц) и макромира (планет), что уж говорить о системе Чижевского, где взаимодействие объектов одного и разного рода осуществляется сразу в двух мирах – на микро- и макроуровнях, и к пониманию такого рода взаимодействий он проложил дорогу.

Выйти на подобный горизонт пока не удастся даже в том случае, когда предпринимается попытка осуществить синтез научных парадигм, когда социальная эволюция рассматривается как результат взаимодействия демографических, экологических и экономических сил и напряжений, о чем рассуждают Кристофер Чейз-Данн и Томас Холл [Чейз-Данн, Холл 1998]. Тема синтеза парадигм буквально «висит» в интеллектуальной атмосфере современной науки. В этой связи можно сказать, что Шпенглер, сторонник культурологического детерминизма [Осипов 2005], заложил основания парадигмы периодизации всемирной истории, точкой отсчета которой стал внутренний мир человека. Попытки создать радио-

нальные смысловые комбинации, объединяющие на этой основе природное, культурное и социальное, являются труднореализуемыми [Красиков 2017]. Чижевский заложил основания естественно-научной парадигмы; на этом пути имеются свои трудности, но они другого характера.

Выводы сводятся к следующим положениям.

Работы О. Шпенглера и А. Л. Чижевского, касаясь одного объекта – периодизации всемирно-исторического процесса, демонстрируют существенно различные методологические основания и логику научного исследования. Если для О. Шпенглера энергетическим субстратом всемирно-исторического процесса является морфогенез культурных форм, то А. Л. Чижевский мыслит всемирно-исторический процесс как объект одного и разного рода в воображаемой логике Н. А. Васильева – Я. Лукасевича, то есть это – генезис форм: Вселенной – Солнца-биосферы – человека как различающихся между собой деятелей природного мира и одновременно представляющих собой единство с точки зрения субстрата (электронной основы) [Гагаев, Скипетров 1999]. Общественные процессы обусловлены как космофизическими, природно-климатическими факторами, подверженными циклическим пульсациям, так и трансформациями энергии солнцедетельности в психическую, интеллектуальную и иную деятельность человека. Здесь ученый буквально взломал узкие рамки строго материалистического понимания истории, допуская связь энергетического носителя материи с социальной формой ее организации.

Работы О. Шпенглера и А. Л. Чижевского позволяют не только объяснять противоречивые стороны событий всемирно-исторического процесса, но и предсказывать характер их проявления, выступая как взаимодополнительные инструменты в руках исследователей и политиков; их концепции находятся на разных, но не на противоположных позициях.

Согласно Шпенглеру, предыдущая историческая наука вращалась вокруг мнения, что Европа – это центр мира, этой «птолемеевской концепции» он противопоставляет свою, коперниканскую, согласно которой все культуры, все исторические образования, все народы равнозначны в мире и в истории. Он заявил о множественности всеобщих историй, предположив, что «у западного историка перед глазами совсем другая всемирная история, чем у великих арабских и китайских историков», его работы проложили путь геополитике [Ионов 2007]. Дж. Бентли [1998] полагает, что Шпенглер был одним из первых, кто привнес в XX столетии философское осмысление в историческое познание.

Исследователи творчества А. Л. Чижевского утверждают, что он, подобно Копернику, установил, что все земное пульсирует в ритме Солнца, что все субстанциальные процессы во взаимодействующих друг с другом оболочках Земли развиваются в согласии с ним, и отныне гелиоцентризм, прочно утвердившийся в науках о Земле и небе, решительно вступил в биологию и медицину. Если Коперник ввел Землю в небо, включил ее в число небесных тел, то А. Л. Чижевский придал органической жизни «небесный» статус [Голованов 1995].

В. П. Казначеев, делая обзор перспектив развития идей ученого в естествознании XXI в., пришел к выводу о том, что процесс глобализации человечества – это прежде всего космогеофизический феномен, где все остальные социальные и

геополитические события есть реализация более сложной космобиосоциальной эволюции нашей планеты в системе Вселенной [Казначеев 2004]. Д. Кристиан считает, что благодаря эмпирическим исследованиям, созданию новых методов абсолютной датировки, исследованиям в микромире и в глубинах космоса открываются новые возможности для тесной интеграции исторической науки с «исторически ориентированными» науками, в том числе с космологией, геологией и биологией, что будет означать возвращение темы мировой истории [Christian 2010], а это делает работы А. Л. Чижевского чрезвычайно востребованными.

Концептуальные основания историометрии Чижевского опираются на синтез наук при доминирующей роли биофизики, он говорил о естественно-историческом знании [Lovetskiy et al. 2019]. Эти основания укладываются в последовательность «историометрия – клиометрия (Р. Фогель, Д. Норт: экономические науки) – клиодинамика (П. Турчин [2015]: биосоциальный подход) – социоестественный подход (А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин: математические модели в истории [Гринин, Коротаев 2014])». Дальнейшее развитие космобиологии, гелиобиологии, биофизики, квантовой медицины, аэронизации, основы которых закладывал ученый, углубят понимание многих темных и загадочных сторон солнечно-земных явлений.

В ряду законов микро-, мезо- и макроуровня, которые Н. С. Розов [2009] характеризует как исторические и социальные, явно напрашивается закономерность, обусловленная космофизическим фактором, который Чижевский мыслил как динамический элемент системы «Космос – Солнце – биосфера и психосфера Земли (человечество) – человек». Закон такого рода будет выступать законом наивысшей абстрактности по отношению к законам Р. Коллинза, Т. Скочпол, Р. Карнейро, Л. Уайта, Дж. Тернера, Э. Сервиса, которые, безусловно, пользуются гораздо более развитыми методами исследований, чем сто лет назад, однако гелиобиологический фактор в его современной трактовке вступает как универсальный, действующий на всех уровнях социальной (экономической, политической, исторической) реальности. Н. С. Розов, анализируя такие факторы исторической динамики и социальной эволюции, как геоцентризм, экономоцентризм, политоцентризм, биоцентризм, культуроцентризм и психоцентризм, пишет, что постановка вопроса о том, какой из факторов является ведущим, малополезен, следует искать ведущую силу, движущий мотор, порождающий историческую динамику и необратимость эволюционных изменений. Необходимость в этом возрастает, что показывают, в частности, работы [Акаев, Коротаев 2019; Бушуев, Сокотущенко 2016], в которых использованы методы системной динамики.

Литература

Акаев А. А., Коротаев А. В. О начале фазы подъема шестой кондратьевской волны и проблемах глобального устойчивого роста // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 3–17.

Анисимова А. Э. «Новый историзм»: Науковедческий анализ / отв. ред. А. И. Ракитов. М.: ИНИОН РАН, 2010.

Бентли Дж. Образы всемирной истории в научных исследованиях XX века // Время мира: альманах. Вып. I. Историческая макросоциология в XX в. Новосибирск, 1998. С. 27–66.

Бушуев В. В., Сокотущенко В. Н. Интеллектуальное прогнозирование. М. : ИД «Энергия», 2016.

Владимирский Б. М., Темурьянц Н. А. Влияние солнечной активности на биосферу – ноосферу (Гелиобиология от А. Л. Чижевского до наших дней). М. : Изд-во МНЭПУ, 2000.

Владимирский Б. М. Солнечная активность и общественная жизнь. Космическая историометрия: от первых российских космистов до наших дней. М. : ЛИБРОКОМ, 2013.

Гагаев А. А., Скипетров В. П. Философия А. Л. Чижевского. Саранск : Мордовский гос. университет, 1999.

Гамбурцев А. Г. Причинно-следственные связи между процессами в природе и обществе // Содружество цивилизаций. 2013. № 4. С. 157–172.

Голованов Л. В. Космический детерминизм Чижевского / А. Л. Чижевский // Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М. : Мысль, 1995. С. 7–8.

Гринблатт С. Ренессанс. У истоков современности. М. : AST Publishers, 2014.

Гринин А. Е. Антанта, Первая мировая война и Февральская революция 1917 г.: о некоторых аспектах исторических взаимосвязей // История и современность. 2017. № 2. С. 100–123.

Гринин Л. Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. № 1. С. 80–94.

Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация Мир-Системы // Век глобализации. 2017. № 3. С. 97–112.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки в аспекте «Истории и Математики» // История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2014. С. 5–17.

Дубовский В. С. Глобальное моделирование: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2010. № 2. С. 47–67.

Дэвис Н. История Европы. М. : АСТ Хранитель, 2006.

Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: Проблемы взаимодействия: монография / отв. ред. Л. П. Репин. М. : Наука, 2007. С. 335–336.

История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М. : КомКнига, 2006.

Казначеев В. П. Перспективы развития идей А. Л. Чижевского в естествознании XXI века (послесловие научного редактора) / В. Н. Ягодинский // Александр Леонидович Чижевский, 1897–1964. М. : Наука, 2004. С. 337–345.

Киш Э. Философия глобализации // Век глобализации. 2010. № 2. С. 16–32.

Клименко В. В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в средние века // История и современность. 2012. № 2. С. 130–163.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.

Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст. М. : ОГИ, 2007.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Малков С. Ю., Осипов Д. А. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации // История и современность. 2016. № 2. С. 180–209.

Красиков В. И. Социокультурная динамика: концептуальные и фундаментальные смыслы // Философия и общество. 2017. № 4. С. 44–57.

Кукарцева М. А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность. 2006. № 2. С. 24–46.

Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев : Ника-Центр; М. : Стартлайт, 2004.

Маслов В. П. Моделирование законов истории как аналогов физических и биологических законов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 62–67.

Мионов Б. Н. Кто виноват: природа или институты? Географический фактор в истории России // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 130–141.

Осипов Н. Е. О. Шпенглер и цивилизация // Философия и общество. 2005. № 4. С. 115–128.

Оше А. И. Поиск единства законов природы (инварианты в природе и их природа) // Энциклопедия Русской Мысли: Русское Физическое Общество. Т. 11. М. : Общественная польза, 2010.

Перцев А. В. Актуальность Шпенглера: спустя век после «Заката Европы» // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. Т. 140. № 2. С. 29–51.

Петухов С. А. Динамика основания монастырей в Европе и России в XI – середине XIX в. и солнечные циклы // История и Математика. Процессы и модели / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова. М., 2009.

Подорога Б. В. Философия Освальда Шпенглера: гештальт как фигура познания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 6. С. 154–157.

Прусаков Б. Д. Раннее государство в Древнем Египте. М. : ИВ РАН, 2001.

Разумов В. И., Сизиков В. П. Системный анализ роли истории // Вестник Омского государственного университета. 2015. № 2(76). С. 83–89.

Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : НГУ, 2009.

Савельева И. М. Исторические исследования в XXI веке. Теоретический фронт // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 25–53.

Снакин В. В. Глобализация и социобиология // Век глобализации. 2017. № 4. С. 23–32.

Степанова А. А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. Поэтология фаустовской культуры. М. : Алетейя, 2015.

Суриков И. Е. О влиянии природных факторов на историю // История и современность. 2016. № 2. С. 63–77.

- Турчин П. В. Математические методы моделирования исторических процессов. Клиодинамика // История и Математика: футурологические и методологические аспекты / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград : Учитель, 2015. С. 106–117.
- Удальцов В. Г., Мрочко Л. В. История как объект социально-философского анализа // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 1(13). С. 70–76.
- Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М. : Эксмо, 2004.
- Чейз-Данн К., Холл Т. Синтез парадигм: институциональный материализм и мир-системная эволюция // Время мира: альманах. Вып. I. Историческая макросоциология в XX в. Новосибирск, 1998. С. 281–284.
- Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга : I Гости-политография, 1924.
- Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М. : Мысль, 1973.
- Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиота-раксия. М. : Мысль, 1995.
- Чижевский А. Л. Электронная теория. Генезис форм / Г. И. Ловецкий // Наука и философия науки: в 3 ч. Ч. 3. А. Л. Чижевский: жизнь под знаком Солнца и электро-на. Выбранные места из научного наследия ученого / сост. Г. И. Ловецкий. М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. С. 17–184.
- Чиркова Э. Н. Современная гелиобиология. М. : Гелиос, 2005.
- Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 7–16.
- Чумаков А. Н. Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3–15.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. I. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М. : Мысль, 1998.
- Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. 2010. Vol. 49. De- cember. Pp. 6–27.
- Lovetskiy G., Kosushkin V., Samylov P. V. Natural History Knowledge and Social Processes // 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 356. Pp. 1432–1436.